
И. А. КРЫЛОВ
БАСНИ
ИЗДАТЕЛЬСТВО «ДЕТСКАЯ ЛИТЕРАТУРА»

И. А. КРЫЛОВ

БАСНИ

Рисунки
Е. Рачева

МОСКВА «ДЕТСКАЯ ЛИТЕРАТУРА» 1983

Р1
К85

Переиздание

Примечания Л. Грибовой

* * *

Почти каждая басня Ивана Андреевича Крылова живо откликалась на какое-нибудь общественное явление или какой-либо вопрос, занимавший современников. Широко известны, например, басни, посвященные Отечественной войне 1812 года. Одна из них — «Волк на псарне», где под видом Волка высмеян Наполеон,— была всеми принята с особым восторгом.

Басни Крылова так отлично выражали народный взгляд на жизнь и по своему складу оказались так близки народным сказкам, поговоркам, присловьям, что многие строки басен обратились в народные пословицы и прочно вошли в нашу память.

Не раз обращались художники к басням Крылова. В этой книге помещено несколько рисунков народного художника РСФСР Е. Рачёва из его большой серии иллюстраций к басням Крылова, удостоенной Государственной премии РСФСР.

Читая и перечитывая басни, знакомясь с воспоминаниями и статьями о Крылове, художник справедливо увидел в баснописце не «добренького дедушку Крылова», развлекающего нас забавными историями о лисах и волках, а гениального сатирика, чьи стихи, написанные с подкупающей естественностью и живостью, отразили разные стороны жизни своего народа. Современники Крылова говорили, что в его баснях «вся Россия».

А каким должен быть рисунок, чтобы не потерялось в нем сатирическое содержание басни? Как раскрыть намек, то, что лишь угадывается, но крайне важно: ведь это тот смысл, ради которого и была написана басня? Как передать все обаяние веселого, несколько лукавого и какого-то очень русского юмора крыловских басен?

Не так-то просто оказалось иллюстрировать эти на первый взгляд такие незамысловатые истории.

Рачев в своих иллюстрациях сохраняет басенных персонажей-животных: тут и грубовато неуклюжий медведь, и уморительно кривляющаяся обезьяна, и злобно насупившийся волк.

Однако басня, как ясное зеркало, отражает человеческие недостатки и несправедливые отношения между людьми. Значит, и в рисунках должны быть не просто обычные животные. И художник с неподражаемым умением наделяет басенных героев-животных человеческими позами, мимикой, одеждой. Рисунки как бы помогают нам глубже понять, «о чем говорят» крыловские звери.

Чтобы передать эпоху создания басен, выбраны костюмы крыловского времени. А одевая басенных героев — кого в нарядное платье, кого в мундир, кого в крестьянскую заплатанную одежонку,— иллюстратор тем самым раскрывает социальное и сатирическое иносказание басен.

За таким обличьем басенных животных острее звучит насмешка: вот она — трусость, вот — лесть и угодничество, вот — глупость и самодовольство, вот они, высмеиваемые великим русским баснописцем, все те малопочтенные человеческие качества, над которыми и мы с вами не прочь посмеяться, когда встречаем их в нашей жизни.

Л. Грибова

К $\frac{4803010101—311}{М101(03)83}$ 163—83

ВОРОНА И КУРИЦА

Когда Смоленский Князь,
Противу дерзости искусством воружась,
Вандалам новым сеть поставил
И на погибель им Москву оставил,—
Тогда все жители, и малый и большой,
Часа не тратя, собралися
И вон из стен московских поднялися,
Как из улья пчелиный рой.
Ворона с кровли тут на эту всю тревогу
Спокойно, чистя нос, глядит.
«А ты что ж, кумушка, в дорогу? —
Ей с возу Курица кричит.—
Ведь говорят, что у порогу
Наш супостат».—
«Мне что до этого за дело? —
Вещунья ей в ответ.— Я здесь останусь смело.
Вот ваши сестры — как хотят;
А ведь Ворон ни жарят, ни варят:
Так мне с гостьми не мудрено ужиться,
А может быть, еще удастся поживиться.
Сырком, иль косточкой, иль чем-нибудь.
Прощай, хохлаточка, счастливый путь!»
Ворона подлинно осталась;
Но, вместо всех поживок ей,
Как голодом морить Смоленский стал гостей,—
Она сама к ним в суп попалась.

*

Так часто человек в расчетах слеп и глуп.
За счастьем, кажется, ты по пятам несешься:
А как на деле с ним сочтешься —
Попался, как ворона в суп!

Басня впервые напечатана в 1812 году. Поводом для ее создания послужили события Отечественной войны 1812 года. После военного совета в Филях решено было оставить Москву без боя. Это было необходимо для того, чтобы сохранить живую силу русской армии, подготовиться к контрнаступлению. Однако, как писал И. И. Лажечников, «никто не помышлял о покорности неприятелю с тем, чтобы оставаться в своих домах, бить ему челом». Смоленский Князь — М. И. Кутузов. Этот титул был присвоен ему после сражения русской армии с французской под селом Красным.

ВОРОНА И ЛИСИЦА

Уж сколько раз твердили миру,
Что лесть гнусна, вредна; но только все не впрок,
И в сердце льстец всегда отыщет уголок.

*

Вороне где-то бог послал кусочек сыру;
На ель Ворона взгромоздясь,
Позавтракать было совсем уж собралась,
Да позадумалась, а сыр во рту держала.
На ту беду Лиса близехонько бежала;
Вдруг сырный дух Лису остановил:
Лисица видит сыр,— Лисицу сыр пленил.
Плутовка к дереву на цыпочках подходит;
Вертит хвостом, с Вороны глаз не сводит
И говорит так сладко, чуть дыша:
«Голубушка, как хороша!
Ну что за шейка, что за глазки!
Рассказывать, так, право, сказки!
Какие перышки! какой носок!
И, верно, ангельский быть должен голосок!
Спой, светик, не стыдись! Что ежели, сестрица,
При красоте такой и петь ты мастерица,
Ведь ты б у нас была царь-птица!»
Вещуньина с похвал вскружилась голова,
От радости в зобу дыханье сперло,—
И на приветливы Лисицыны слова
Ворона каркнула во все воронье горло:
Сыр выпал — с ним была плутовка такова.

Впервые напечатана басня в 1808 году. Лакейство, низкопоклонство, угодничество стали в те времена своего рода общественным злом, особенно сильным в чиновничьей среде.

ЛАРЧИК

Случается нередко нам
И труд, и мудрость видеть там,
Где сто́ит только догадаться
За дело просто взяться.

*

К кому-то принесли от мастера Ларец.
Отделкой, чистотой Ларец в глаза кидался;
Ну, всякий Ларчиком прекрасным любовался.
Вот входит в комнату механики мудрец.
Взглянув на Ларчик, он сказал: «Ларец с секретом,
Так; он и без замка;
А я берусь открыть; да, да, уверен в этом;
Не смейтесь так исподтишка!
Я отыщу секрет и Ларчик вам открою:
В механике и я чего-нибудь да стою».
Вот за Ларец принялся он:
Вертит его со всех сторон
И голову свою ломает;
То гвоздик, то другой, то скобку пожимает.
Тут, глядя на него, иной
Качает головой;
Те шепчутся, а те смеются меж собой.
В ушах лишь только отдается:
«Не тут, не так, не там!» Механик пуще рвется.
Потел, потел; но наконец устал,
От Ларчика отстал
И, как открыть его, никак не догадался:
А Ларчик просто открывался.

Басня впервые напечатана в 1808 году.

ЛЯГУШКА И ВОЛ

Лягушка, на лугу увидевши Вола,
Затеяла сама в дородстве с ним сравняться:
Она завистлива была.
И ну топорщиться, пыхтеть и надуваться.
«Смотри-ка, квакушка, что, буду ль я с него?» —
Подруге говорит. «Нет, кумушка, далеко!» —
«Гляди же, как теперь раздуюсь я широко.

Ну, каково?
Пополнилась ли я?» — «Почти что ничего».—
«Ну, как теперь?» — «Все то ж». Пыхтела да пыхтела
И кончила моя затейница на том,
Что, не сравнявшися с Волом,
С натуги лопнула и — околела.

*

Пример такой на свете не один:
И диво ли, когда жить хочет мещанин,
Как именитый гражданин,
А сошка мелкая, как знатный дворянин?

Басня впервые напечатана в 1808 году.

МАРТЫШКА И ОЧКИ

Мартышка к старости слаба глазами стала;
А у людей она слыхала,
Что это зло еще не так большой руки:
Лишь стоит завести Очки.
Очков с полдюжины себе она достала;
Вертит Очками так и сяк:
То к темю их прижмет, то их на хвост нанижет,
То их понюхает, то их полижет;
Очки не действуют никак.
«Тьфу пропасть,— говорит она,— и тот дурак,
Кто слушает людских всех врак:
Всё про Очки лишь мне налгали;
А проку на́ волос нет в них».
Мартышка тут с досады и с печали
О камень так хватила их,
Что только брызги засверкали.

*

К несчастью, то ж бывает у людей:
Как ни полезна вещь,— цены не зная ей,
Невежда про нее свой толк все к худу клонит;
А ежели невежда познатней,
Так он ее еще и гонит.

Не раз попадали под огонь крыловской сатиры невежды, особенно знатные невежды, мешавшие развитию знаний и просвещения и нередко связанные с реакционными политическими кругами. Насмешка над такого рода невеждами звучит и в этой басне. Еще в своей журнальной сатире Крылов писал: «Науки суть светила, просвещающие души: человек, объятый мраком невежества, во сто раз слепее того, который лишен зрения от самого рождения». Басня впервые напечатана в 1815 году.

ВОЛК И ЯГНЕНОК

У сильного всегда бессильный виноват:
Тому в Истории мы тьму примеров слышим,
Но мы Истории не пишем;
А вот о том как в Баснях говорят.

*

Ягненок в жаркий день зашел к ручью напиться;
И надобно ж беде случиться,
Что около тех мест голодный рыскал Волк.
Ягненка видит он, на до́бычу стремится;
Но, делу дать хотя законный вид и толк,
Кричит: «Как смеешь ты, наглец, нечистым рылом
Здесь чистое мутить питье
Мое
С песком и с илом?
За дерзость такову
Я голову с тебя сорву».—
«Когда светлейший Волк позволит,
Осмелюсь я донесть, что ниже по ручью
От светлости его шагов я на сто пью;
И гневаться напрасно он изволит:
Питья мутить ему никак я не могу».—
«Поэтому я лгу!
Негодный! слыхана ль такая дерзость в свете!
Да помнится, что ты еще в запрошлом лете
Мне здесь же как-то нагрубил:
Я этого, приятель, не забыл!» —
«Помилуй, мне еще и от роду нет году»,—
Ягненок говорит. «Так это был твой брат».—
«Нет братьев у меня».— «Так это кум иль сват
И, словом, кто-нибудь из вашего же роду.
Вы сами, ваши псы и ваши пастухи,
Вы все мне зла хотите
И если можете, то мне всегда вредите,
Но я с тобой за их разведаюсь грехи».—
«Ах, я чем виноват?» — «Молчи! устал я слушать,
Досуг мне разбирать вины́ твои, щенок!
Ты виноват уж тем, что хочется мне кушать».—
Сказал и в темный лес Ягненка поволок.

Басня впервые напечатана в 1808 году. Крылов использует широко распространенный басенный сюжет. Можно думать, что не случайно была выбрана для перевода именно эта басня о безнаказанности и произволе «сильных». В те времена в России особенно обострились социальные противоречия. Поистине крестьянин перед дворянином был как беззащитный ягненок перед волком: «Ты виноват уж тем, что хочется мне кушать». Светлейший, светлость — так обращались в старое время к князю. Разве́даться, разве́дать (устар.) — здесь: расплатиться, рассчитаться.

СИНИЦА

Синица нá море пустилась:
Она хвалилась,
Что хочет море сжечь.
Расславилась тотчас о том по свету речь.
Страх обнял жителей Нептуновой столицы;
Летят стадами птицы;
А звери из лесов сбегаются смотреть,
Как будет Океан и жарко ли гореть.
И даже, говорят, на слух молвы крылатой
Охотники таскаться по пирам
Из первых с ложками явились к берегам,
Чтоб похлебать ухи такой богатой,
Какой-де откупщик, и самый тароватый,
Не давывал секретарям.
Толпятся: чуду всяк заранее дивится,
Молчит и, на море глаза уставя, ждет;
Лишь изредка иной шепнет:
«Вот закипит, вот тотчас загорится!»
Не тут-то: море не горит.
Кипит ли хоть? — и не кипит.
И чем же кончились затеи величавы?
Синица со стыдом всвояси уплыла;
Наделала Синица славы,
А моря не зажгла.

*

Примолвить к речи здесь годится,
Но ничьего не трогая лица:
Что делом, не сведя конца,
Не надобно хвалиться.

Мораль басни и ее образы родственны народным пословицам, осуждающим хвастовство, бахвальство. В одной из них говорится: «Ходила синица море зажигать: моря не зажгла, а славы много наделала». Басня отдельными бытовыми черточками намекает на порядки и нравы столичного общества. Впервые басня напечатана в 1811 году. Нептýн — у древних римлян бог моря. «Жители Нептуновой столицы» — то есть Петербурга. Откупщик — богатый купец, откупавший у царского правительства право торговать водкой, табаком и пр. Тароватый — щедрый, не скупой.

ДВЕ БОЧКИ

Две Бочки ехали: одна с вином,
Другая
Пустая.
Вот первая — себе без шуму и шажком
Плетется,
Другая вскачь несется;

От ней по мостовой и стукотня, и гром,
И пыль столбом;
Прохожий к стороне скорей от страху жмется,

Ее заслышавши издалека.
Но как та Бочка ни громка,
А польза в ней не так, как в первой, велика.

*

Кто про свои дела кричит всем без умолку,
В том, верно, мало толку;
Кто де́лов истинно,— тих часто на словах.
Великий человек лишь громок на делах,
И думает свою он крепко думу
Без шуму.

Басня впервые напечатана в 1819 году. «У него живописно все... Все так сказано метко, так найдено и так усвоено крепко всегда, что даже и определить нельзя, в чем характер пера Крылова. Стиха его тоже не схватишь. Никак не определишь его свойства: звучен ли он? тяжел ли? Звучит он там, где предмет у него звучит; движется, где предмет движется; крепчает, где крепнет мысль, и становится вдруг легким, где уступает легковесной болтовне дурака. Его речь покорна и послушна мысли и летает, как муха, то являясь вдруг в длинном шестистопном стихе, то в быстром одностопном... Стоит вспомнить величественное заключение басни «Две Бочки»... Тут от самого размещения слов как бы слышится величие ушедшего в себя человека» (Н. Гоголь).

ЛЕБЕДЬ, ЩУКА И РАК

Когда в товарищах согласья нет,
На лад их дело не пойдет,
И выйдет из него не дело, только му́ка.

*

Однажды Лебедь, Рак да Щука
Везти с поклажей воз взялись,
И вместе трое все в него впряглись;
Из кожи лезут вон, а возу все нет ходу!
Поклажа бы для них казалась и легка:
Да Лебедь рвется в облака,
Рак пятится назад, а Щука тянет в воду.
Кто виноват из них, кто прав,— судить не нам;
Да только воз и ныне там.

Впервые напечатана басня в 1816 году. В ней выражено скептическое отношение к Александру I. Подобно «Квартету» (см. стр. 21), она высмеивает неурядицы в Государственном совете. Реформы и комитеты, затеваемые Александром I, не в силах были стронуть с места глубоко увязший воз самодержавия.

ВОЛК НА ПСАРНЕ

Волк ночью, думая залезть в овчарню,
Попал на псарню.
Поднялся вдруг весь псарный двор —
Почуя серого так близко забияку,
Псы залились в хлевах и рвутся вон на драку.
Псари кричат: «Ахти, ребята, вор!» —
И вмиг ворота на запор;
В минуту псарня стала адом.
Бегут: иной с дубьем,
Иной с ружьем.
«Огня! — кричат,— огня!» Пришли с огнем.
Мой Волк сидит, прижавшись в угол задом,
Зубами щелкая и ощетиня шерсть,
Глазами, кажется, хотел бы всех он съесть;
Но, видя то, что тут не перед стадом
И что приходит наконец
Ему расчесться за овец,
Пустился мой хитрец
В переговоры
И начал так: «Друзья! К чему весь этот шум?
Я, ваш старинный сват и кум,
Пришел мириться к вам, совсем не ради ссоры;
Забудем прошлое, уставим общий лад!
А я не только впредь не трону здешних стад,
Но сам за них с другими грызться рад
И волчьей клятвой утверждаю,
Что я...» — «Послушай-ка, сосед,—
Тут ловчий перервал в ответ,—
Ты сер, а я, приятель, сед,
И волчью вашу я давно натуру знаю;
А потому обычай мой:
С волками иначе не делать мировой,
Как снявши шкуру с них долой».
И тут же выпустил на Волка гончих стаю.

Басня впервые напечатана в октябре 1812 года. Под Волком подразумевается Наполеон, а под Ловчнм — Кутузов. Находясь в Москве, тщетно ожндал Наполеон депутацнн от русскнх. Тогда он послал генерала Лорнстона к Кутузову с предложеннем мнра (это было выгодно французской армнн), но тот ответнл: «Меня проклянет потомство, еслн прнзнают меня первым вnновнnком какого бы то нн было перемнрня. Таков действнтельный дух моего народа». По словам современннка, «Крылов, собственною рукою перепнсав басню, отдал ее жене Кутузова, которая отправнла ее в своем пнсьме. Кутузов прочнтал басню после сраження под Красным собравшимся вокруг него офнцерам н прн словах: «А я, приятель, сед...» — снял свою белую фуражку н потряс наклоненною головою».

КРЕСТЬЯНИН И РАБОТНИК

Когда у нас беда над головой,
То рады мы тому молиться,
Кто вздумает за нас вступиться;
Но только с плеч беда долой,
То избавителю от нас же часто худо:
Все взапуски его ценят;
И если он у нас не виноват,
Так это чудо!

*

Старик Крестьянин с Батраком
Шел под вечер леском
Домой, в деревню, с сенокосу,
И повстречали вдруг медведя носом к носу.
Крестьянин ахнуть не успел,
Как на него медведь насел.
Подмял Крестьянина, ворочает, ломает
И, где б его почать, лишь место выбирает:
Конец приходит старику.
«Степанушка, родной, не выдай, милый!» —
Из-под медведя он взмолился Батраку.
Вот новый Геркулес, со всей собравшись силой,
Что только было в нем,
Отнес полчерепа медведю топором
И брюхо проколол ему железной вилой.
Медведь взревел и замертво упал:
Медведь мой издыхает.
Прошла беда; Крестьянин встал,
И он же Батрака ругает.
Опешил бедный мой Степан.
«Помилуй,— говорит,— за что?» — «За что, болван!
Чему обрадовался сдуру?
Знай колет: всю испортил шкуру!»

Впервые напечатана басня в 1815 году. Ценя́т — бранят, ругают. Геркуле́с — герой сказаний Древней Греции, прославившийся своей необычайной силой, совершивший двенадцать подвигов.

ЩУКА И КОТ

Беда, коль пироги начнет печи сапожник,
А сапоги тачать пирожник,—
И дело не пойдет на лад,
Да и примечено стократ,
Что кто за ремесло чужое браться любит,
Тот завсегда других упрямей и вздорней:
Он лучше дело все погубит
И рад скорей
Посмешищем стать света,
Чем у честны́х и знающих людей
Спросить иль выслушать разумного совета.

*

Зубастой Щуке в мысль пришло
За кошачье приняться ремесло.
Не знаю: завистью ль ее лукавый мучил,
Иль, может быть, ей рыбный стол наскучил?
Но только вздумала Кота она просить,
Чтоб взял ее с собой он на охоту,
Мышей в амбаре половить.
«Да полно, знаешь ли ты эту, свет, работу? —
Стал Щуке Васька говорить.—
Смотри, кума, чтобы не осрамиться:
Недаром говорится,
Что дело мастера боится».—
«И, полно, куманек! Вот невидаль: мышей!
Мы лавливали и ершей».—
«Так в добрый час, пойдем!» Пошли, засели.
Натешился, наелся Кот,
И кумушку проведать он идет;
А Щука, чуть жива, лежит, разинув рот,
И крысы хвост у ней отъели.
Тут, видя, что куме совсем не в силу труд,
Кум замертво стащил ее обратно в пруд.
И дельно! Это, Щука,
Тебе наука:
Вперед умнее быть
И за мышами не ходить.

Басня впервые напечатана в 1813 году. Поводом для ее создания послужила военная неудача адмирала Чичагова. После победы русских войск при Тарутине решено было пресечь путь отступавшему Наполеону при переправе через Березину. Однако адмирал Чичагов так неумело командовал этой операцией, что Наполеону удалось переправиться через Березину. Это вызвало сильнейшее общественное негодование, и Крылов, по словам современников, написал басню «о пирожнике, который берется шить сапоги, то есть моряке, начальствующем над сухопутными войсками». На рисунке — злополучный вояка в виде незадачливой щуки, облаченной в морской мундир.

СТРЕКОЗА И МУРАВЕЙ

Попрыгунья Стрекоза
Лето красное пропела;
Оглянуться не успела,
Как зима катит в глаза.
Помертвело чисто поле;
Нет уж дней тех светлых боле,
Как под каждым ей листком
Был готов и стол, и дом.
Все прошло: с зимой холодной
Нужда, голод настает;
Стрекоза уж не поет:
И кому же в ум пойдет
На желудок петь голодный!
Злой тоской удручена,
К Муравью ползет она:
«Не оставь меня, кум милый!
Дай ты мне собраться с силой
И до вешних только дней
Прокорми и обогрей!» —
«Кумушка, мне странно это:
Да работала ль ты в лето?» —
Говорит ей Муравей.
«До того ль, голубчик, было?
В мягких муравах у нас
Песни, резвость всякий час,
Так что голову вскружило».—
«А, так ты...» — «Я без души
Лето целое всё пела».—
«Ты все пела? это дело:
Так поди же, попляши!»

Басня впервые напечатана в 1808 году.

ОСЕЛ И СОЛОВЕЙ

Осел увидел Соловья
И говорит ему: «Послушай-ка, дружище!
Ты, сказывают, петь великий мастерище.
Хотел бы очень я
Сам посудить, твое услышав пенье,
Велико ль подлинно твое уменье?»
Тут Соловей являть свое искусство стал:
Защелкал, засвистал
На тысячу ладов, тянул, переливался;
То нежно он ослабевал
И томной вдалеке свирелью отдавался,
То мелкой дробью вдруг по роще рассыпался.
Внимало все тогда
Любимцу и певцу Авроры:
Затихли ветерки, замолкли птичек хоры
И прилегли стада.
Чуть-чуть дыша, пастух им любовался
И только иногда,
Внимая Соловью, пастушке улыбался.
Скончал певец. Осел, уставясь в землю лбом,
«Изрядно,— говорит,— сказать неложно,
Тебя без скуки слушать можно;
А жаль, что незнаком
Ты с нашим петухом:
Еще б ты боле навострился,
Когда бы у него немножко поучился».
Услыша суд такой, мой бедный Соловей
Вспорхнул и — полетел за тридевять полей.

*

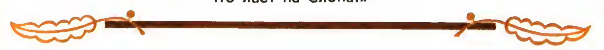
Избави бог и нас от этаких судей.

Один из современников Крылова рассказывает: «Какой-то вельможа... пригласил его <Крылова> к себе и просил прочитать две-три басенки. Крылов артистически прочитал несколько басен... Вельможа выслушал их благосклонно и глубокомысленно сказал: «Это хорошо, но почему вы не переводите так, как Ив. Ив. Дмитриев?» — «Не умею»,— скромно отвечал поэт... Возвратясь домой, задетый за живое, баснописец вылил свою желчь в басне «Осел и Соловей». «Мы читывали когда-то утомительные, скучные описания пения соловья, но такого мелодического, мастерского концерта, данного нам Крыловым, не случалось нам читать ни на каком языке» (М. Лобанов). Напечатана в 1811 году.

СЛОН И МОСЬКА

По улицам Слона водили,
Как видно, напоказ —
Известно, что Слоны в диковинку у нас —
Так за Слоном толпы зевак ходили.
Отколе ни возьмись, навстречу Моська им.
Увидевши Слона, ну на него метаться,
И лаять, и визжать, и рваться,
Ну так и лезет в драку с ним.
«Соседка, перестань срамиться,—
Ей Шавка говорит,— тебе ль с Слоном возиться?
Смотри, уж ты хрипишь, а он себе идет
Вперед
И лаю твоего совсем не примечает».—
«Эх, эх,— ей Моська отвечает.—
Вот то-то мне и духу придает,
Что я, совсем без драки,
Могу попасть в большие забияки.
Пускай же говорят собаки:
«Ай Моська! знать, она сильна,
Что лает на Слона!»

Басня впервые напечатана в 1808 году.

ЛИСИЦА И ВИНОГРАД

Голодная кума Лиса залезла в сад;
В нем винограду кисти рделись.
У кумушки глаза и зубы разгорелись;
А кисти сочные, как яхонты, горят;
Лишь то беда — висят они высоко:
Отколь и как она к ним ни зайдет,
Хоть видит око,
Да зуб неймет.
Пробившись попусту час целый,
Пошла и говорит с досадою: «Ну что ж!
На взгляд-то он хорош,
Да зелен — ягодки нет зрелой:
Тотчас оскомину набьешь».

Басня впервые напечатана в 1808 году. Самим автором она отнесена к «переводам или подражаниям». Ее сюжет восходит к древности и был использован еще Эзопом. Однако она очень близка к русским народным пословицам «Глаз видит, да зуб неймет», «Зелен виноград, не сладок». Р д е т ь — наливаться и краснеть на солнце. Я х о н т — драгоценный самоцветный камень красного цвета, рубин.

E.P.

КВАРТЕТ

Проказница Мартышка,
Осел,
Козел
Да косолапый Мишка
Затеяли сыграть Квартет.
Достали нот, баса, альта, две скрипки
И сели на лужок под липки —
Пленять своим искусством свет.
Ударили в смычки, дерут, а толку нет.
«Стой, братцы, стой! — кричит Мартышка.—
Погодите!
Как музыке идти? Ведь вы не так сидите.
Ты с басом, Мишенька, садись против альта,
Я, прима, сяду против вторы;
Тогда пойдет уж музыка не та:
У нас запляшут лес и горы!»
Расселись, начали Квартет;
Он все-таки на лад нейдет.
«Постойте ж, я сыскал секрет! —
Кричит Осел.— Мы, верно, уж поладим,
Коль рядом сядем».
Послушались Осла: уселись чинно в ряд;
А все-таки Квартет нейдет на лад.
Вот пуще прежнего пошли у них разборы
И споры,
Кому и как сидеть.
Случилось Соловью на шум их прилететь.
Тут с просьбой все к нему, чтоб их решить сомненье:
«Пожалуй,— говорят,— возьми на час терпенье,
Чтобы Квартет в порядок наш привесть:
И ноты есть у нас, и инструменты есть,
Скажи лишь, как нам сесть!» —
«Чтоб музыкантом быть, так надобно уменье
И уши ваших понежней,—
Им отвечает Соловей,—
А вы, друзья, как ни садитесь,
Всё в музыканты не годитесь».

Впервые напечатана басня в 1811 году. В этой басне высмеян Государственный совет, преобразованный в 1810 году Александром I. Четыре департамента совета должны были провести ряд реформ. Однако все свелось к пустым разговорам. Историк М. Корф писал: «Известно, что продолжительным прениям о том, как их рассадить, и даже нескольким последовавшим пересадкам мы обязаны остроумною басню Крылова «Квартет». К в а р т é т — оркестр из четырех инструментов. Б а с, а л ь т — здесь: струнные инструменты низких тонов. П р и́ м а и в т ó р а — первая и вторая скрипки.

КОТ И ПОВАР

Какой-то Повар, грамотей,
С поварни побежал своей
В кабак (он набожных был правил
И в этот день по куме тризну правил),
А дома стеречи съестное от мышей
Кота оставил.
Но что же, возвратясь, он видит? На полу
Объедки пирога; а Васька-Кот в углу,
Припав за уксусным бочонком,
Мурлыча и ворча, трудится над курчонком.
«Ах ты обжора! ах злодей! —
Тут Ваську Повар укоряет,—
Не стыдно ль стен тебе, не только что людей?
(А Васька все-таки курчонка убирает.)
Как! быв честным Котом до этих пор,
Бывало, за пример тебя смиренства кажут,—
Ах ты... ахти, какой позор!
Теперя все соседи скажут:
«Кот Васька плут! Кот Васька вор!
И Ваську-де не только что в поварню,
Пускать не надо и на двор,
Как волка жадного в овчарню:
Он порча, он чума, он язва здешних мест!»
(А Васька слушает да ест.)
Тут ритор мой, дав волю слов теченью,
Не находил конца нравоученью.
Но что ж? Пока его он пел,
Кот Васька все жаркое съел.

*

А я бы повару иному
Велел на стенке зарубить:
Чтоб там речей не тратить по-пустому,
Где нужно власть употребить.

Впервые напечатана басня в августе 1813 года. Однако к этому времени она уже была хорошо известна: Крылов еще в марте 1812 года читал ее на заседании «Беседы любителей русского слова». Современники применяли ее к общей политической обстановке в Европе, сложившейся в годы перед Отечественной войной 1812 года (стремление Наполеона к господству). Позже басню переосмыслили и видели в ней упрек Барклаю де Толли, который был, до назначения Кутузова, главнокомандующим. Неудачи русской армии в начале войны, естественно, вызывали общественное недовольство военным командованием. Три́зну пра́вил — справлял поминки по умершему. Ри́тор (от греч. рито́рика — наука о красноречии) — красноречивый, речистый человек.

ЛИСТЫ И КОРНИ

В прекрасный летний день,
Бросая по долине тень,
Листы на дереве с зефирами шептали,
Хвалились густотой, зеленостью своей
И вот как о себе зефирам толковали:
«Не правда ли, что мы краса долины всей?
Что нами дерево так пышно и кудряво,
Раскидисто и величаво?
Что б было в нем без нас? Ну, право,
Хвалить себя мы можем без греха!
Не мы ль от зноя пастуха
И странника в тени прохладной укрываем?
Не мы ль красивостью своей
Плясать сюда пастушек привлекаем?
У нас же раннею и позднею зарей
Насвистывает соловей.
Да вы, зефиры, сами
Почти не расстаетесь с нами».—
«Примолвить можно бы спасибо тут и нам»,—
Им голос отвечал из-под земли смиренно.
«Кто смеет говорить столь нагло и надменно!
Вы кто такие там,
Что дерзко так считаться с нами стали?» —
Листы, по дереву шумя, залепетали.
«Мы те,—
Им снизу отвечали,—
Которые, здесь роясь в темноте,
Питаем вас. Ужель не узнаете?
Мы корни дерева, на коем вы цветете.
Красуйтесь в добрый час!
Да только помните ту разницу меж нас:
Что с новою весной лист новый народится,
А если корень иссушится,
Не станет дерева, ни вас».

По поводу этой басни В. Кеневич, первый исследователь творчества Крылова, пишет: «Нельзя не видеть, что под корнями, роющимися в земле, Крылов разумел крепостных крестьян. Таким образом, басня отвечает на один из серьезнейших вопросов... вопрос об освобождении крестьян... Сличение взглядов Крылова с высказанными в те времена мнениями вполне раскрывает тот здоровый, самостоятельный ум баснописца, которому недаром удивлялись его современники». Впервые напечатана эта басня в 1811 году. З е ф и́ р — легкий ветерок, традиционный образ поэзии того времени.

СВИНЬЯ ПОД ДУБОМ

Свинья под Дубом вековым
Наелась желудей досыта, до отвала;
Наевшись, выспалась под ним;
Потом, глаза продравши, встала
И рылом подрывать у дуба корни стала.
«Ведь это дереву вредит,—
Ей с Дубу Ворон говорит,—
Коль корни обнажишь, оно засохнуть может».—
«Пусть сохнет,— говорит Свинья,—
Ничуть меня то не тревожит;
В нем проку мало вижу я;
Хоть век его не будь, ничуть не пожалею,
Лишь были б желуди: ведь я от них жирею».—
«Неблагодарная! — примолвил Дуб ей тут,—
Когда бы вверх могла поднять ты рыло,
Тебе бы видно было,
Что эти желуди на мне растут».

*

Невежда также в ослепленье
Бранит науки и ученье
И все ученые труды,
Не чувствуя, что он вкушает их плоды.

Впервые напечатана басня в 1825 году. Она направлена против той части дворянства, которая с пренебрежением относилась к наукам и просвещению. Вот почему и художник придает Свинье облик сытого, тупого, самодовольного помещика: роскошный халат, длинная трубка, ленивая поза.

КОШКА И СОЛОВЕЙ

Поймала Кошка Соловья,
В бедняжку когти запустила
И, ласково его сжимая, говорила:
«Соловушка, душа моя!
Я слышу, что тебя везде за песни славят
И с лучшими певцами рядом ставят.
Мне говорит Лиса-кума,
Что голос у тебя так звонок и чудесен,
Что от твоих прелестных песен
Все пастухи, пастушки — без ума.
Хотела б очень я сама
Тебя послушать.
Не трепещися так; не будь, мой друг, упрям;
Не бойся: не хочу совсем тебя я кушать.
Лишь спой мне что-нибудь: тебе я волю дам
И отпущу гулять по рощам и лесам.
В любви я к музыке тебе не уступаю
И часто, про себя мурлыча, засыпаю».
Меж тем мой бедный Соловей
Едва-едва дышал в когтях у ней.
«Ну, что же? — продолжает Кошка,—
Пропой, дружок, хотя немножко».
Но наш певец не пел, а только что пищал.
«Так этим-то леса ты восхищал! —
С насмешкою она спросила.—
Где ж эта чистота и сила,
О коих все без умолку твердят?
Мне скучен писк такой и от моих котят.
Нет, вижу, что в пенье́ ты вовсе не искусен:
Всё без начала, без конца.
Посмотрим, на зубах каков-то будешь вкусен!»
И съела бедного певца —
До крошки.

*

Сказать ли на ушко яснее мысль мою?
Худые песни Соловью
В когтях у Кошки.

Басня впервые напечатана в 1824 году. Крылов откликнулся на состояние русской литературы, которая находилась под тяжелым цензурным гнетом. Самому Крылову приходилось не раз чувствовать на себе острые когти цензуры. Есть предположение, что поводом для создания басни послужило запрещение басен «Рыбья пляска» и «Пестрые овцы», которые так и не были напечатаны при его жизни.

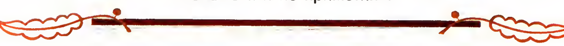
ВОЛК И ЖУРАВЛЬ

Что волки жадны, всякий знает:
Волк, евши, никогда
Костей не разбирает.
За то на одного из них пришла беда:
Он костью чуть не подавился.
Не может Волк ни охнуть, ни вздохнуть;
Пришло хоть ноги протянуть!
По счастью, близко тут Журавль случился.
Вот кой-как знаками стал Волк его манить
И просит горю пособить.
Журавль свой нос по шею
Засунул к Волку в пасть и с трудностью большею
Кость вытащил и стал за труд просить.
«Ты шутишь! — зверь вскричал коварный.—
Тебе за труд? Ах ты, неблагодарный!
А это ничего, что свой ты долгий нос
И с глупой головой из горла цел унес!
Поди ж, приятель, убирайся,
Да берегись: вперед ты мне не попадайся».

Басня впервые напечатана в 1816 году.

ЛЮБОПЫТНЫЙ

«Приятель дорогой, здорово! Где ты был?» —
«В Кунсткамере, мой друг! Часа там три ходил;
Все видел, высмотрел; от удивленья,
Поверишь ли, не станет ни уменья
Пересказать тебе, ни сил.
Уж подлинно, что там чудес палата!
Куда на выдумки природа таровата!
Каких зверей, каких там птиц я не видал!
Какие бабочки, букашки,
Козявки, мушки, таракашки!
Одни как изумруд, другие как коралл!
Какие крохотны коровки!
Есть, право, менее булавочной головки!» —
«А видел ли слона? Каков собой на взгляд!
Я чай, подумал ты, что гору встретил?» —
«Да разве там он?» — «Там».— «Ну, братец, виноват;
Слона-то я и не приметил».

Однажды Крылов слышал, как приезжий провинциал рассказывал о своем посещении Академического музея (Кунсткамеры). Рассказывал он с мельчайшими подробностями, но на вопрос собеседника, не видел ли он там слона, отвечал: «Виноват, слона я не заметил». Полагают, что этот забавный эпизод и послужил поводом для создания басни. Впервые напечатана была эта басня в 1814 году.

РЫБЬЯ ПЛЯСКА

От жалоб на судей
На сильных и на богачей
Лев, вышед из терпенья,
Пустился сам свои осматривать владенья.
Он идет, а Мужик, расклавши огонек,
Наудя рыб, изжарить их сбирался.
Бедняжки прыгали от жару кто как мог;
Всяк, видя близкий свой конец, метался,
На Мужика разинув зев.
«Кто ты? что делаешь?» — спросил сердито Лев.
«Всесильный царь! — сказал Мужик, оторопев.—
Я старостою здесь над водяным народом;
А это старшины, всё жители воды;
Мы собрались сюды́
Поздравить здесь тебя с твоим приходом».—
«Ну, как они живут? Богат ли здешний край?» —
«Великий государь! Здесь не житье им — рай.
Богам о том мы только и молились,
Чтоб дни твои бесценные продлились».
(А рыбы между тем на сковородке бились.) —
«Да отчего же,— Лев спросил,— скажи ты мне,
Они хвостами так и головами машут?» —
«О мудрый царь! — Мужик ответствовал,— оне
От радости, тебя увидя, пляшут».
Тут, старосту лизнув Лев милостиво в грудь,
Еще изволя раз на пляску их взглянуть,
Отправился в дальнейший путь.

«Во время одного из своих путешествий по России император Александр I в каком-то городе остановился в губернаторском доме. Готовясь уже к отъезду, он увидел из окна, что по площади приближается к дому довольно большое число людей. На вопрос государя, что это значит, губернатор отвечал, что это депутация от жителей, желающих принести его величеству благодарность за благосостояние края. Государь, спеша отъездом, отклонил прием этих лиц. После распространилась молва, что они шли с жалобой на губернатора, получившего между тем награду» (Я. Грот). В те годы тяготы военных поселений вызывали бунты. Но Аракчеев докладывал царю, что «везде, слава богу, смирно и благополучно». Цензура запретила эту басню, ее напечатали лишь в 1869 году.

ДЕМЬЯНОВА УХА

«Соседушка, мой свет!
Пожалуйста, покушай».—
«Соседушка, я сыт по горло».— «Нужды нет,
Еще тарелочку; послушай:
Ушица, ей-же-ей, на славу сварена!» —
«Я три тарелки съел».— «И, полно, что за счеты;
Лишь стало бы охоты,—
А то во здравье: ешь до дна!
Что за уха! Да как жирна:
Как будто янтарем подернулась она.
Потешь же, миленький дружочек!
Вот лещик, потроха, вот стерляди кусочек!
Еще хоть ложечку! Да кланяйся, жена!»
Так потчевал сосед Демьян соседа Фоку
И не давал ему ни отдыху, ни сроку;
А с Фоки уж давно катился градом пот.
Однако же еще тарелку он берет,
Сбирается с последней силой
И — очищает всю. «Вот друга я люблю! —
Вскричал Демьян.— Зато уж чванных не терплю.
Ну, скушай же еще тарелочку, мой милый!»
Тут бедный Фока мой,
Как ни любил уху, но от беды такой,
Схватя в охапку
Кушак и шапку,
Скорей без памяти домой
И с той поры к Демьяну ни ногой.

*

Писатель, счастлив ты, коль дар прямой имеешь;
Но если помолчать вовремя не умеешь
И ближнего ушей ты не жалеешь,
То ведай, что твои и проза, и стихи
Тошнее будут всем Демьяновой ухи.

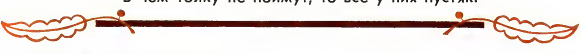
В 1813 году просили Крылова на публичном чтении прочитать одну из басен, которые «были лакомым блюдом всякого литературного пира и угощения. Он обещал; но приехал во время самого чтения и довольно поздно. Читали какую-то чрезвычайно длинную пиесу; он сел за стол. Председатель вполголоса спрашивает у него: «Иван Андреевич, что, привезли?» — «Привез».— «Пожалуйте мне».— «Вот ужо, после». Длилось чтение, публика утомилась, начинали скучать, зевота овладела многими. Наконец дочитана пиеса. Тогда Иван Андреевич руку в карман, вытащил измятый листочек и начал: «Демьянова уха». Содержание басни удивительным образом соответствовало обстоятельствам, и приноровление было так кстати, что публика громким хохотом от всей души наградила автора за басню...»

ПЕТУХ И ЖЕМЧУЖНОЕ ЗЕРНО

Навозну кучу разрывая,
Петух нашел Жемчужное Зерно
И говорит: «Куда оно?
Какая вещь пустая!
Не глупо ль, что его высóко так ценят?
А я бы, право, был гораздо боле рад
Зерну Ячменному: оно не столь хоть видно,
Да сытно».

*

Невежи судят точно так:
В чем толку не поймут, то все у них пустяк.

Басня впервые напечатана в 1809 году.

ЗЕРКАЛО И ОБЕЗЬЯНА

Мартышка, в Зеркале увидя образ свой,
Тихохонько Медведя толк ногой:
«Смотри-ка,— говорит,— кум милый мой!
Что это там за рожа?
Какие у нее ужимки и прыжки!
Я удавилась бы с тоски,
Когда бы на нее хоть чуть была похожа.
А ведь, признайся, есть
Из кумушек моих таких кривляк пять-шесть:
Я даже их могу по пальцам перечесть».—
«Чем кумушек считать трудиться,
Не лучше ль на себя, кума, оборотиться?» —
Ей Мишка отвечал.
Но Мишенькин совет лишь попусту пропал.

*

Таких примеров много в мире:
Не любит узнавать никто себя в сатире.
Я даже видел то вчера:
Что Климыч на руку нечист, все это знают;
Про взятки Климычу читают,
А он украдкою кивает на Петра.

Басня отражает человеческие недостатки. Однако «стрелы сатиры, заметил современник Крылова литератор Плетнев, как бы они остры ни были, не исправляют пороков, и никому не приходит в голову приложить описание к своей особе. Все дело оканчивается, как в басне «Зеркало и Обезьяна». Судя по этой басне, Крылов тоже сознавал эту истину». Впервые напечатана басня была в 1816 году. То было время, когда русские сатирики часто выступали против галломании — раболепного, неразборчивого подражания всему французскому: модам, манерам, танцам.

СОДЕРЖАНИЕ

ВОРОНА И КУРИЦА 3
ВОРОНА И ЛИСИЦА 5
ЛАРЧИК 6
ЛЯГУШКА И ВОЛ . . . . —
МАРТЫШКА И ОЧКИ 7
ВОЛК И ЯГНЕНОК 9
СИНИЦА 10
ДВЕ БОЧКИ . . . . —
ЛЕБЕДЬ, ЩУКА И РАК 11
ВОЛК НА ПСАРНЕ 13
КРЕСТЬЯНИН И РАБОТНИК 14
ЩУКА И КОТ 15
СТРЕКОЗА И МУРАВЕЙ 17
ОСЕЛ И СОЛОВЕЙ 18
СЛОН И МОСЬКА 19
ЛИСИЦА И ВИНОГРАД . . . . —
КВАРТЕТ 21
КОТ И ПОВАР 22
ЛИСТЫ И КОРНИ 23
СВИНЬЯ ПОД ДУБОМ 25
КОШКА И СОЛОВЕЙ 26
ВОЛК И ЖУРАВЛЬ 27
ЛЮБОПЫТНЫЙ . . . . —
РЫБЬЯ ПЛЯСКА 29
ДЕМЬЯНОВА УХА 30
ПЕТУХ И ЖЕМЧУЖНОЕ ЗЕРНО 31
ЗЕРКАЛО И ОБЕЗЬЯНА . . . . —

Крылов И. А.

К85 Басни /Рис. Е. Рачева.— Переизд.— М.: Дет. лит., 1983.—32 с., ил.

25 к.

Книга избранных басен великого русского баснописца.

К $\frac{4803010101—311}{М101(03)83}$ 163—83 Р1

25 коп.

ДЛЯ СРЕДНЕГО И СТАРШЕГО ВОЗРАСТА

Иван Андреевич Крылов

БАСНИ

ИБ № 6678

Ответственный редактор Г. И. Гусева
Художественный редактор Е. М. Ларская
Технические редакторы В. К. Егорова и Л. В. Пельмова
Корректор Л. И. Дмитрюк

Сдано в набор 09.10.82. Подписано к печати 15.04.83. Формат $60\times90^{1}/_{8}$. Бум. офсетная № 1 Шрифт журнально-рубленый. Печать офсетная. Усл. печ. л. 4,0. Усл. кр.-отт. 18,0. Уч.-изд. л. 3,26. Тираж 3 000 000 экз. (3-й завод 2 000 001—3 000 000 экз.). Заказ № 1973. Цена 25 коп. Ордена Трудового Красного Знамени издательство «Детская литература» Государственного комитета РСФСР по делам издательств, полиграфии и книжной торговли. Москва, Центр, М. Черкасский пер., 1. Ордена Трудового Красного Знамени фабрика «Детская книга» № 1 Росглавполиграфпрома Государственного комитета РСФСР по делам издательств, полиграфии и книжной торговли. Москва, Сущевский вал, 49.